

Константин Альгиеба

Лето в ящичке

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
К65

Константин Альгиеба

Лето в ящичке / Константин Альгиеба — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 141 с.

ISBN 978-5-532-99017-3

В сборник "Лето в ящичке" включены произведения, вобравшие в себя повседневный жизненный опыт автора, его наблюдения и личные истории, рассказанные как друзьями, так и случайными знакомыми. Героями самых разных событий становятся не только люди, но и животные. Основа повествования - чувства, которыми решено было скорее поделиться!

Содержание

Лё-ля	4
Уберите это немедленно	8
Было дело вечером	13
Лето в ящичке	16
Гостинец	20
Коробок желаний	29
Культурная столица	31
Рыболовы-охотники	36
О грядущем экзамене, любви к мужчинам, и Троянском коне нашего времени	52
Куница	55
Ужин отдай врагу	57
От нечего делать	60
Точность – вежливость королей	64
Кефир	74
Двойка в бутылке	76
Петька	78
Квартира у лестницы	81
Вне очереди	88
Пластмассовая жизнь	94
Собачий вальс	101
Тысяча чертей	107
Хранилище памяти	109
День бесконечности	119
Серёгина история	126
Апельсиновое деревце	135
Гоп-стоп	139

Лё-ля

Она любила прогулки, когда жила в центре. Это место стало каким-то особенным. Оно начиналось у моста Петра Великого, а заканчивалось мостом соседним, соединяющим разные берега Заневского проспекта. Незасыпающие светофоры провожали очередную белую ночь зелёным светом, одинокие чайки, сидя на гранитных парапетах, лениво кричали, растворяя над водой редкие звуки раннего петербургского утра...

Иногда по лестницам можно было спуститься к реке. Её мелкие волны заставляли бесконечно двигаться невысокие дома. Ясно-голубые глаза Лёли следили за этой живой картиной, которая становилась ещё более подвижной, когда по течению Невы проходил куда-то спешащий буксир. Непроизвольно шаг Лёли становился более частым, ноги начинали привычный бег. Когда быстро ползущее судно оставалось позади, Лёля оборачивалась. Лёгкий ветерок доносил запахи свежеспекавшегося утреннего хлеба, который был где-то там – за забором хлебобулочного комбината. В такой момент представлялись любимые баранки с маком. Их мягкое тесто за хрустящей упаковкой пахло в памяти также, как пахло сейчас. Знакомые образы улетучились внезапно, когда их потревожили громкие голоса. Откуда-то снизу повеяло остывшей водой и тиной...

– Сергеич, прими инструмент! Всё, удержишь?..

– Да, отпускай, взял!..

Лёле стало очень интересно, кто это может говорить с воды. Она попыталась перегнуться через парапет, но старание увидеть словесный источник ни к чему не приводило. Всплески и бульканье воды не прекращались. Лёля сбежала по соседней лестнице и увидела водолаза. Она была знакома с ними на расстоянии. Такие мужчины не раз представляли перед ней, но то ведь чаще с экранов телевизоров, а этот, внезапно вошедший в её жизнь, был совсем рядом. По его чёрному телу сбегали капли. Они заканчивали свой бег только тогда, когда превращались в юркие ручейки, исчезающие в тёмных волнах. Мужчина снял блестящую маску, громко выдохнул и

повернулся к неподвижно наблюдавшей гостье. Их глаза встретились тотчас, а разные цвета каждого смотрящего растворились друг в друге. Неожиданно Лёле захотелось сказать что-то. Её шея даже слегка потянулась вперёд, а рот открылся немного. Язык предательски прилип и не шевелился вовсе. За него о чём-то добром сообщили глаза. Они произнесли неслышно приветствие и ждали с нетерпением ответа. Он последовал почти что сразу, потому что сначала слово опередила улыбка...

– Привет! Я Григорий... Или просто Гриша! Я вот продрог слегка, а тебе я смотрю совсем не зябко!.. Ты если хочешь, то можешь ближе подойти. Я человек простой, поэтому... давай подружмся!..

Лёле голос собеседника очень понравился. В нём было нечто особенное. Он казался знакомым, почти родным. Лёля ловила себя на мысли, что совершенно точно знает его, как будто слышала часто. В едва низких нотах веяло внутренней добротой. После каждого сказанного Григорием слова, ему хотелось ещё больше довериться, положить голову на плечо, и не важно, что оно всё ещё оставалось мокрым...

"А мы не встречались раньше? Как будто в другой жизни сталкивались, но затерялись в беспмятстве!" – пронеслось в голове Лёли...

Григорий не слышал вопроса, лишь глядя в глаза робкой собеседницы продолжил: "Мы вот с товарищами набережную укрепляем. Снаружи всё ничего, а под водой полным-полно работы. Её много, и за сегодня не успеем закончить. Скорее всего на несколько дней хватит. Если хочешь, приходи завтра, я очень буду рад тебе!.."

Товарищи Григория помахали Лёле, а улыбчивый собеседник, вооружившись неведомым инструментом, растворился в Неве...

* * *

Теперь она каждый день спешила к знакомому месту. Оно притягивало невидимым магнитом, заставляло сердце стучать часто. Дыхание нарушалось само собой и становилось беспокойным. Глаза ясного неба искали в этом вечнотекущем киселе того самого завет-

ного, кого даже ночью забыть не получалось. Во снах Лёли они ходили вместе, бежали навстречу порывистому ветру, играли в прятки среди стволов высоких лесных деревьев. Иногда он бежал за ней, а через минуту сама Лёля пыталась его настигнуть. Ей, конечно же, удавалось сделать это чаще...

Уже прошло минут тридцать, как она ждала его не меняя места, хотя товарищи Григория разводили руками и вслух произносили, что помочь ничем не могут. И не устроить им этой встречи, дескать, попробуй придти завтра...

А завтра совсем повезло, потому что избранный долго говорил о хорошем. Он рассказывал о своих былых буднях и весёлых приключениях. Лёля слушала непрерывно, съедала каждое слово. Сама же в ответ молчала, молчала и молчала...

Это было что-то непередаваемое внутри, когда он вдруг однажды приобнял её и негромко сказал на ухо: "Прощай, Лёлечка, завтра, скорее всего, мы уже не увидимся. Я бы хотел запомнить этот день таким, с тобой рядом. Если ты не против, то давай сфотографируемся... Сергеич, держи телефон. Сделай кадр!"

Товарищ кряхтел долго, приседая в ластах. Фотографировал раз, потом ещё один. Лёля чувствовала в сегодняшнем дне что-то горькое. Ей захотелось прижаться к водолазу. Запах костюма и тины не казались уже противными. В них было что-то родное. Щетина Григория перестала колоться, а его руки крепко обняли Лёлино тело, и губы произнесли негромко: "До встречи, Лёлечка! Лё-ля..."

* * *

С того дня прошло не так много времени, месяца два наверное. Лёля всё ещё пыталась отыскать Григория у гранитной набережной. Ей не верилось, что необычное знакомство так быстро закончилось. Сегодня Григория называют водолазом, а ведь когда-то неповторимый человек был кинологом, который одним своим появлением смог покорить сердце хаски...

Вечером ясно-голубые глаза собаки смыкались, она видела человека в блестящей маске. Его руки дарили тепло объятий, губы говорили шёпотом, но очень отчётливо: "Лё-ля..."

Уберите это немедленно

Утро начиналось с раннего подъёма. Нужно было быстро одеваться, есть быстро, собрать обед на день и спешно выходить. Впереди ждала дорога асфальтированная, а после – вымощенная плиткой. За эскалатором следовали пути железные, подземные. Двадцать минут в тоннелях на синем гудящем драконе пролетали быстро. Всегда казалось, что звуки его протяжных завываний разгоняют перед собой тьму.

От метро оставалось пройти пешком ещё минут десять, и вот она – типография. Спешащие работники утренней смены протискивались через узкие турникеты проходной издательского комплекса...

– Так, где ваш пропуск? – усатый мужчина с жетоном на груди всматривался в лица и в фотографии удостоверений. – Да, доброе утро, здравствуйте... Проходите, поспешите, не задерживайтесь...

Рабочая смена начиналась с семи утра. Было минут пятнадцать, чтобы переодеться, подготовить машины, настроить их для долгой трудовой деятельности. По обе руки стояли металлические монстры. Изю дня в день они резали, клеили, обжимали, сортировали... Тысяча операций в одном огромном цеху. Вот линия Колбуса, далее листоподборка. В народе прижилось иное название: листопад. В отдельных помещениях стояли машины гильотинные, а в дальнем углу аппарат обвязки или упаковки. Каждый рабочий день люди здоровались друг с другом, жали руки, кивали головой на расстоянии...

– Ой, сегодня ваша смена? Отлично! Мы зайдём позже. Нужно срочный заказ выполнить...

Часто приходилось расхлёбывать чьи-то производственные ляпы. Бывало, сильно срезали книжный блок, а в допуске оставался только один миллиметр. Приходилось стараться, выдерживать размер, а впереди ждал многоуровневый процесс шлифовки книжного обреза. Долгие операции по замеру, остужению, накатке фольги... По итогу получались красивые золочёные или серебряные страницы. Света и Марина, что зайти обещали, вклеивалибумажные

слитки в богатый переплёт. Так получались небольшие по тиражу, но высокие по стоимости издания.

Утренняя смена начиналась не с работы, а с основательного перекура. Дым в курилке часто стоял стеной. Глаза порой щипало и хотелось быстрее покинуть узкое помещение...

– Так, что вы стоите? Принимайтесь за работу! Если что-то непонятно, то быстро же к мастеру подходите. Сейчас технолог придёт, будем разбираться, почему форзацы плывут!

В проходах цеха слышался голос Андрея Александровича. Наверное, никто не знал его должности. Здесь он появился недавно. Пришёл с городского молочного комбината. В типографии Андрей Александрович должен был наладить производственный процесс, оптимизировать и усовершенствовать его. Он ратовал за увеличение тиражей и качество продукции. Шли слухи, что и на молочном предприятии что-то подобное сделать пытался, но не получилось. Зная его прежнее место работы, люди прозвали его по-своему...

– Как надоел! Снова этот Молочник шумит. С утра пораньше, – сказал Виктор и затянулся сигаретой.

В открытую дверь курилки быстро вошёл человек в пиджаке, клетчатой рубашке и в брюках со стрелками. Он был невысокого роста, гладко выбритый. Волосы Молочник всегда укладывал направо...

– Господа, приветствую всех, но вы видели, сколько на часах времени? Вы десять минут назад должны были начать работу. Выбрасывайте свои смердящие окурки и по местам расходитесь!

Рабочие тушили сигареты и выходили из курилки.

– Давайте быстрее!.. Я скоро на стену объявление повешу. Штрафовать начну. Иногда буду внезапно появляться, и проверять, чем вы занимаетесь!

Молочник спешно вышел в коридор и споткнулся о колесо огромной тачки. Она напоминала массивный контейнер с высокими бортами. Внутри лежал типографский мусор – отходы производства. Тачка доверху была наполнена обрезками картона, бумаги, пустыми банками из-под клея...

– Где этот человек? Почему телега с вечера не вывезена? Уберите это немедленно!

Из угла цеха вышла фигура в чёрном старом пиджаке. На мужчине были надеты серые пыльные штаны с отвисшими коленками, а козырёк кепки напоминал крышу дома, потому что оказался, переломлен посередине. Лицо рабочего выглядело дряблым и измученным. Выпученные глаза часто моргали...

– Вы за это отвечаете? – и Молочник указал на телегу.

– Да, я, – пробубнил мужчина.

– Как вас зовут?

– Борис. Я...

– Учтите, не заставляйте меня ругаться. Я хочу, чтобы эта телега вывозилась с вечера. Мусор в цехе не должен скапливаться. Через десять минут приходит машина, вывозит отходы. Вы успеете за оставшееся время спустить вниз этот тарантас?

– Да, я всегда успевал...

– С вечера, теперь с вечера вывозите! Правила, распорядок, обязанности ваши будут меняться. Скоро...

Андрей Александрович снял нитку со своих брюк, выбросил её в телегу Бориса и быстрыми шагами отправился к выходу.

Несмотря на то, что Борис выглядел старым, в нём скрывалась недюжинная сила. Он с лёгкостью наваливался на тяжёлую тачку, и она вставала на два своих колеса. Рабочий всё время катал перед собой мусорный контейнер, толкал его за толстую дугообразную ручку. В движении телега издавала жалобные скулящие звуки. Окружающие сразу понимали – едет Бориска.

Неизвестно, кто прозвал его так. Сутулого рабочего никто не знал толком. Бориска был нелюдимым. Ни с кем не общался, редко смеялся в курилке над анекдотами. Он всё время слушал и вопросов не задавал. Когда обедает, где живёт – это оставалось тайной. Ходили слухи, что ночует Борис на территории издательского комплекса. Мужчину считали чудаком, но никто из работников типографии над ним не подтрунивал. Порой угощали сигаретами, а Бориска тихо бурчал: «Спасибо!»